

ЛИНГВИСТИКА

А.В. Морева

Томский государственный педагогический университет

Вызов на поединок в памятниках средневерхненемецкого языка

Интерес ученых к культурам отдаленных эпох, закономерно вызванный развитием антропологического подхода в лингвистике, развитием этнокультурных исследований, способствует появлению в последнее время работ по истории языка, для которых характерно рассмотрение языковых явлений в диахронии или в отдельном языковом срезе, но с учетом достижений современной лингвистики. Так, предметом исследования становятся речевые акты, дискурсы и целые тексты, а также их прагматические характеристики в исторической перспективе. Эти единицы могут быть приметами времени (они могут входить в употребление, выходить из него, изменяется их функционирование), а порой и приметами места (тексты или их отдельные элементы могут быть показательны для определенной географической территории).

Новизна таких исследований не оставляет сомнений, ибо уже традиционный, казалось бы, материал изучается с новых позиций, в результате чего возможно получение новых данных о языковой картине мира того или иного народа, ее эволюции. Однако если мы «отваживаемся» подойти к исторически удаленным текстам, вооружившись терминологическим аппаратом современной лингвистики, выработанным на материале, прежде всего, современных языков, то мы можем с легкостью оказаться в ситуации, о которой столь часто предостерегают историки. Это ситуация исследователя, который, будучи носителем современной ему культуры, не в состоянии преодолеть ее, не в состоянии разглядеть в древнем тексте иную культуру. Как следствие, мы получаем массу работ, которые грешат «осовремениванием», а иногда и откровенным упрощением при интерпретации материала. И виной тому, как правило, незнание истории, истории культуры, литературы, религии, мифологии, эстетики и прочих областей, без которых невозможно полноценное изучение истории речи и, шире, коммуникации. Так, например, и в научных работах, и в переводах памятников на современный язык многим авторам не удается донести до читателя значение ритуальных действий. Отсюда следует, что без междисциплинарного подхода в современных исследованиях истории языка нам не обойтись.

Обратимся к памятникам средневерхненемецкого языка, относящимся к жанрам героического эпоса и рыцарского романа. Для многих из них характерны ситуации поединка двух героев. Ситуации эти примечательны тем, что в них собственно состязанию нередко предшествует диалог состязающихся – вызов на поединок. Вызов на поединок можно рассматривать и как тип речевого акта (далее РА), и как соответствующий тип дискурса. Это пример исторически обусловленного акта-действия, и на сегодняшний день – по меньшей мере, в европейской культуре – он воспринимается как тип обсоветного, т. е. вышедшего из употребления речевого действия [Верба, Карабан, Алексеенко, 1989, с. 13].

Это один из древнейших мотивов в истории эпической литературы. Так, В.М. Жирмунский отмечает, что в германском эпосе герои перед боем спрашивают друг друга о роде-племени, стараясь запугать похвальбой, превознося свои

воинские качества и высмеивая врага [Жирмунский, 1962, с. 31]. Говоря о сагах и былинах, Д.С. Лихачев отмечает, что часто перед убийством происходит диалог с убиваемым «с целью переложить вину в смерти на самого убиваемого», видимо, для того, чтобы избавиться от мести рода или духов рода [Лихачев, 1947, с. 138]. Эти «подзадоривающие» речи героев (Reizreden) М. Бакс рассматривает как особое, имеющее скорее культурную, чем языковую специфику речевое событие – т.н. «словесное состязание» (verbaler Wettstreit / verbales Duell, Streitgespräch, Kampfgespräch) [Вах, 1983, S. 4; 1991, S. 202].

Культурно-историческая специфика данного речевого действия заключается также в том, что говорящий, как, впрочем, и адресат, относится к одной социальной группе – рыцарству. На бой могут вызывать и представители нерыцарского сословия – разбойники, великаны, карлики и пр., – которые, однако, не соблюдают рыцарский ритуал поединка и пользуются «нецивилизованными» формами вызова [Вах, 1983, S. 8]. В большинстве же случаев говорящий и адресат являются равноправными коммуникантами (рыцари).

Следует отметить, что различные памятники средневерхнемецкого языка обнаруживают неоднородность при передаче речей состязающихся. Наиболее архаично ситуация вызова на поединок представлена в памятниках героического эпоса, таких как «Песнь о Нибелунгах» и др.: они долго существовали в устной традиции, прежде чем были записаны, и поэтому позволяют проследить более древнюю обрядность вызова на поединок. В рыцарских же романах Вольфрама фон Эшенбаха, Готфрида Страсбургского и других авторов архаичный мотив диалога перед поединком сохраняется, но вместе с тем перерабатывается в соответствии с коммуникативным кодексом рыцарской эпохи.

Разговор воинов перед поединком отмечен высокой степенью ритуализованности и конвенционализированности. Это строгая последовательность речевых действий, прагматические условия искренности которых нарушены: как вопросы об имени не требуют обязательного ответа, так и угрозы не имеют своей целью предупреждение сражения. Здесь ритуал имеет иное функциональное назначение – спасти не жизнь, а честь, т.е. вызвать сражение [ibid.].

Вызов на поединок как РА относится к директивам, поскольку говорящий побуждает адресата к совершению действия, в данном случае – к вступлению в поединок. Можно предположить, что по своим прагматическим признакам вызов на поединок будет входить в состав предписывающих типов директивных РА, т.е. прескриптивов. Но в отличие от некоторых подвидов прескриптивов (приказов, повелений и пр.), в которых приоритетная позиция говорящего обусловлена его более высоким социальным статусом, в РА вызова на поединок говорящий сам присваивает себе приоритет, действуя с «позиции силы» и считая, что он имеет право настаивать на поединке. В сущности, вызов на поединок – это одна из разновидностей требования, в котором каузируемое действие конкретизировано. Вызов всегда имеет своим перлокутивным эффектом невербальное действие, а именно – состязание.

Материалом данного исследования послужили три памятника средневерхнемецкого языка, записанных примерно в одно время: «Песнь о Нибелунгах» (около 1200 г.), «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха (1205-1210 гг.) и «Тристан» Готфрида Страсбургского (1210 г.). Словесные состязания героев перед сражением описаны здесь не так обстоятельно, как в древнегерманском эпосе, например, в «Песне о Хильтебранде» или в древнеисландских сагах. Кроме того, в некоторых случаях разговор сражающихся передан словами автора. Тем не менее, было выделено и проанализировано 32 ситуации вызова на поединок.

При выявлении данной ситуации мы опирались на следующие признаки: 1) необходимый прагматический контекст, т.е. наличие релевантных для коммуникативной ситуации вызова на поединок прагматических признаков (приоритет-

ность говорящего, обязательность выполнения действия для адресата); 2) коммуникативный контекст, ситуация общения, в частности ролевые и статусные отношения коммуникантов; 3) эксплицитные перформативы в речи самого говорящего, позволяющие однозначно интерпретировать его иллокутивное намерение как вызов на бой; 4) индикаторы ситуации вызова на поединок в ответной речи собеседника; 5) указания на данную коммуникативную ситуацию в речи автора, предворяющей или завершающей прямую речь героев.

Отметим, что довольно часто мы обнаруживаем в текстах указания автора (признак 5): *ez enstuont in niht vergebene an den selben zîten sîn dröun und ouch sîn strîten: Iedoch bereit er sich zer tjost* (Parz. 443, 28 - 444, 1) 'но на этот раз его угрозы и вызов должны были обойтись ему дорого; однако он был готов к сражению'; *sînen hantschuoch zôh er abe. er bôt in Môrolde dar* (Trist. 6454 - 55) 'он снял свою перчатку и протянул ее Морольду'. Значительно реже данная конфликтная ситуация эксплицируется в речи говорящего или слушающего (см. признаки 3 и 4): *ich vorder kampff vür schelten, der niht wan tôt sol gelten* (Parz. 322, 9 - 10) 'я не для ругани пришел, я требую поединка, который разрешится не иначе, чем смертью (одного из нас)'; *nu lât daz dreuwen unde wîchet hôher baz* (Nib. 1943, 1) 'лучше оставьте свои угрозы и подите прочь с дороги'.

Вызов на поединок имеет место преимущественно в симметричной коммуникации: оба участника являются представителями рыцарства. В отличие от других директивных РА, которые в качестве адресата могут иметь группу лиц, вызов всегда адресован одному конкретному лицу (в «Песне о Нибелунгах» есть некоторые исключения). Говорящий, как уже указывалось, присваивает себе приоритет в данной ситуации, действует с «позиции силы». Очевидно, что такое речевое действие, как вызов рыцаря на поединок, должно иметь веские основания. Каковы они? Одним из таких оснований может быть отказ адресата удовлетворить какое-либо требование говорящего: так, барон Гандин, потребовав, но не получив обещанную награду (Изольду), бросает вызов королю Марку (Trist. 13222 - 42). Другим основанием вызова на поединок может быть оскорбление либо вообще нанесение любого ущерба со стороны адресата говорящему или третьим лицам: так, ландграф Кингримурсель официально, при собрании двора короля Артура, вызывает на бой рыцаря Гавана, желая таким образом отомстить за смерть своего господина (Parz. 320, 22 - 322, 12). Каковы бы ни были причины поединка в каждом конкретном случае, речь всегда идет об оскорблении, потере чести для говорящего или третьих лиц.

Как же реализуется вызов на поединок? Анализ материала показывает, что крайне редко вызов на бой выражается прямо. В исследуемом материале нам не встретилось ни одного примера классической эксплицитной формулы «я вызываю тебя (на бой)», что, однако, не является показателем отсутствия данного РА в данном обществе в данную историческую эпоху. Известно, что на разных стадиях развития языка в разных этнических обществах существовали (и существуют) РА, не имеющие соответствующего, называющего данный акт перформативного глагола [Schlieben-Lange, Weydt, Coseriu, Gumbrecht, 1979, S. 67, 74], и это не препятствует верной интерпретации РА. Специфика же вызова на поединок и заключается в том, что он реализуется преимущественно косвенно, а именно средствами других РА. Поэтому сначала опишем те немногие примеры прямых и косвенных способов выражения собственно вызова на поединок, которые нам удалось зафиксировать, а затем примеры, в которых данная иллокуция реализуется средствами других РА.

К прямому способу выражения вызова мы относим императивные предложения, содержащие глаголы *wern* 'sich schützen, sich verteidigen, wehren' [Lexen, 1974 III, S. 789] и *wenden* 'sich wenden, umkehren' [Lexen, 1974 III, S. 760]. В силу семантики глаголов данные предложения однозначно сигнализируют о побуждении

вступить в бой. Обычно это последняя стадия в словесном состязании, после которой интеракция завершается и начинается собственно поединок. Было обнаружено 6 употреблений императива данных глаголов в 5 ситуациях вызова. Ср.:

брат короля гуннов Этцеля Бледель маршалу бургундов Данкварту и другим воинам: „...nu wert iuch vil ellenden“. (Nib. 1925, 3) «...Защищайтесь теперь, чужеземцы!»;

брат короля бургундов Гунтера Гизельхер вассалу короля Дитриха Вольфхарту: „...edel ritter küene, nu wendet gegen mîn, | ich wilz helfen enden; ez enmâc niht léngér gesîn“. (Nib. 2293, 3 - 4) «...Благородный, отважный рыцарь, повернитесь же ко мне! Я хочу положить этому конец, так больше не может продолжаться».

Рыцари обращаются друг к другу на «вы», и лишь в одном примере герои по инициативе адресата перед поединком переходят на «ты»:

рыцарь Тристан герцогу Морольду: „...Môrolt, sît daz du danne mîn | ze slahene sô gewis wilt sîn, | sô wer dich, wellestû genesen.“. (Trist. 6829 - 31) «...Морольд, если ты так уверен, что убьешь меня, тогда защищайся, коль хочешь выжить».

Таким образом, придворное обращение на «вы» к противнику доминирует в наших текстах, хотя во время поединка воины могли говорить друг другу «ты» – архаичный обычай, идущий еще из варварских обществ [Ehrismann, 1903, S. 127ff.]. По-видимому, традиция придворного обращения к собеседнику проникает даже в ситуацию вызова.

К прямым эксплицитным тактикам относятся также предложения с перформативными глаголами. Однако оговоримся, что, как было указано выше, нам не удалось найти ни одного перформативного глагола, называющего именно речевое действие вызова на поединок. Но оно может быть эксплицировано с помощью глаголов других директивных РА, в контексте ситуации служащих для называния РА вызова. Было зафиксировано 3 глагола в одной и той же ситуации: *laden* ‘aufordern, berufen, laden’ [Lexer, 1974 I, S. 1811]; *manen* ‘ermahnen, auffordern, antreiben’ [Lexer, 1974 I, S. 2029]; *vordern* ‘verlangen, fordern, herausfordern’ [Lexer, 1974 III, S. 464]. Ср.:

ландграф Кингримурсель рыцарю Гавану: „...ich lade in kampfliche dar | gein mir ze kometen kampfes var“. (Parz. 321, 21 - 22) «...Я вызываю его туда (турнир в Шанпфанцуне) в полном вооружении на сражение со мной»;

те же: „...kan sîn lip des niht verzagen, | ern welle dâ schildes ambet tragen, | sô mane ich in dennoch mêre | bi des helmes êre | unt durch ritter ordenlichez leben“. (Parz. 321, 23 - 27) «...Если у него хватит мужества (сразиться), я призываю его ради его рыцарской чести и рыцарского звания не уклоняться от этой ответственности»;

те же: „...ich vorder kampf vür schelten, | der niht wan tât sol gelten, | oder leben mit êren, | swenz wil diu saelde lêren“. (Parz. 322, 9 - 12) «...Я не для ругани пришел, я требую поединка, который принесет либо смерть (одного из нас), либо, если позволит удача (одного из нас), жизнь в почете».

Данная ситуация примечательна тем, что говорящий обращается к присутствующему адресату не прямо, а косвенно через третье лицо: Кингримурсель вызывает Гавана на бой крайне официально, призывая в свидетели короля Артура и всю его свиту. При этом сам вызов дистанцирован во времени и в пространстве от последующего за ним поединка: предъявив свои претензии, Кингримурсель назначает Гавану бой на турнире в Шанпфанцуне через сорок дней. В отличие от всех предыдущих примеров, в которых вызов брошен непосредственно перед боем, здесь говорящий строго следует соблюдению рыцарского ритуала поединка: герои заранее договариваются о сражении, но время и место его проведения всегда назначает тот, кто вызывает. Кроме того, здесь поединок служит средством т.н. «божьего суда» (gottesgerichtlicher Zweikampf): как известно, в средневековье

одним из распространенных способов судебного разбирательства было вооруженное сражение между обеими сторонами – обвинителем и обвиняемым, которое происходило в присутствии верховной особы и представителей суда [Pfeffer, 1885] (в данном примере это король Аскалуна).

Из косвенных эксплицитных речевых тактик вызова на поединок мы выделили т.н. повествование-потребность, т.е. повествовательные предложения с модальными глаголами *wellen*, *suln* и *müezen* в форме 1 л. ед. ч. Таким способом говорящий сообщает противнику о своем намерении сразиться с ним, что является косвенным побуждением к бою. В исследуемом материале было зафиксировано 9 таких предложений в 7 ситуациях вызова. Ср.:

гуннский маркграф Иринг вассалу бургундских королей Хагену: „...jâ wil ich mit dem swerte eine dich bestân“. (Nib. 2030, 3) «...Я же собираюсь в одиночку побороть тебя своим мечом»;

рыцарь Парцифаль королю Грамофланцу (Парцифаль вступает за своего брата Гавана): „...welt ir zürnen gein im kêren, | daz sol ich iu mit swerten weren“. (Parz. 693, 11- 12) «...И если вы собираетесь обратиться против него (Гавана) свой гнев, то я должен помешать вам своим мечом»;

гуннский маркграф Рюдегер братьям-королям бургундов: „ich muoz mit iu strîten, wand' ichz gelobet hân“. (Nib. 2178, 2) «Я должен с вами сразиться, так как я в этом поклялся»'.

Модальный глагол долженствования *suln* может быть употреблен в 1 л. мн. ч. – *wir suln*. Инициатор вызова на бой говорит таким образом от лица обоих противников, что делает высказываемое намерение более категоричным. Ср.:

рыцарь Тристан герцогу Морольду: „...wir suln ez hie mit handen, | wir zwêne under uns beiden | in einem ringe scheiden, | weder ir reht habet oder ich“. (Trist. 6446 - 49) «...Нам обоим придется своими руками здесь на поле боя решить, кто из нас прав»'.

Во всех этих примерах интерпретации данного РА как вызова на поединок способствует также употребление в качестве смыслового глагола глаголов с соответствующей семантикой «военного действия». Ср., напр.: (*mit dem swerte*) *bestân* ‘entgegengetreten, feindlich angreifen’ [Lexner, 1974 I, S. 224]; *bereden* ‘durch Eid oder Zweikampf beweisen’ [Krohn, 1998, S. 196]; (*mit swerten*) *wern* ‘wehren, abwehren, hindern’ [Lexner, 1974 III, S. 790]; *strîten* ‘kämpfen’ [Lexner, 1974 II, S. 1242].

Вызов на поединок может быть передан косвенно через оптативные предложения, содержащие глагол в форме презенса конъюнктива 3 л. ед. ч. Нам встретились 4 таких случая. Ср.:

барон Гандин королю Марку: „...swer sô ir wellet oder ir, | der rîte in einen rinc mit mir“. (Trist. 13239 - 40) «...Тот, кто пожелает – кто-то другой или вы сами, – должен сойтись со мной в бою»'.

Побуждение к сражению выражено здесь не прямо (например, формой императива *rît mit mir*), а косвенно через третье лицо конъюнктива. В таких предложениях форма конъюнктива презенса близка по значению к конструкции с модальным глаголом долженствования *suln* в 3 л. Известно, что модальные глаголы на протяжении истории немецкого языка постепенно переняли многие функции конъюнктива [Polenz, 1981, S. 256].

Итак, побудительная интенция может быть реализована прямыми и косвенными речевыми тактиками. Однако исследования ситуаций вызова на поединок, проводимые учеными на материале других литературных памятников средневековья, показывают, что речевое действие вызова на бой как таковое чаще всего оказывается вообще невыраженным, но реализуется другими РА – угрозами, оскорблениями и пр., а также их ритуальной последовательностью [Вах, 1991, S. 208; Polenz, 1981, S. 263]. Это подтверждается и данными нашего анализа: герои не призывают явно к поединку, но часто угрожают, оскорбляют и высмеивают партнера.

При этом данные РА в контексте конфликтной ситуации вовсе не предназначены для того, чтобы ее предотвратить, или для того, чтобы проинформировать адресата о своем негативном отношении к нему. Они не отвечают условиям искренности РА, являясь здесь чисто ритуальным, конвенциональным способом вызова на бой.

Чаще всего в качестве такого косвенного РА выступает угроза. РА угрозы встретился 23 раза в 19 ситуациях вызова, т.е. в большинстве случаев. Угроза как подвид комиссивов всегда затрагивает план будущего, понятно поэтому появление здесь модальных глаголов *suln*, *müezen*, *kunnen* в темпоральном значении. Так, с помощью модального глагола в 1 л. ед. ч. говорящий может указывать на собственное лицо как носителя кары. Ср.:

рыцарь Зигфрид вассалу бургундских королей Хагену: „*müet iuch daz, her Hagene, daz ich gesprochen hân, | sô sol ich lâzen kiesen, daz die hende mîn | wellent vil gewaltec hie zen Búrgónden sîn*“. (Nib. 122, 2 - 4) ‘«Если вас задевает, господин Хаген, то, что я сказал, то мне придется показать (вам), как я здесь к рукам Бургундию приберу»’.

Модальным глаголом во 2 л. подчеркивается «ты» адресата как объекта кары, наказания. Ср.:

брат короля гуннов Этцеля Бледель маршалу бургундов Данкварту и другим воинам: „...*ir kunnet niht genesen. | ir müezet mit dem tôde pfant daz Kriemhilde wesen*“. (Nib. 1925, 3 - 4) ‘«...Вам не спастись (вы не сможете спастись), вы должны (будете) заплатить Кримхильде (за смерть супруга) своими жизнями»’.

Модальный глагол может также иметь форму 3 л. ед. ч. Ср.:

бургундский шпильман Фолькер вассалу короля Дитриха Вольфхарту: „...*der iuwer helmschîn | der muoz vil trüebe werden von der mînen hant, | swie halt ich gerîte in der Búrgónden lant*“. (Nib. 2270, 2 - 4) ‘«...Ваш блестящий шлем успеет потемнеть от моей руки, прежде чем я отправлюсь назад в Бургундию»’.

Угроза может быть выражена и формой презенса смыслового глагола; презенсу в средневерхненемецком языке была свойственна и функция передачи будущего времени. Здесь говорящий так же может указывать либо на себя как агенса угрозы, либо на адресата как объекта наказания. Ср.:

вассал короля Дитриха Вольфхарт бургундскому шпильману Фолькеру: „*ich entrihte iu sô die seiten, swenne ir die widervart | rîtet gein dem Rîne, daz irz wol muget sagen*“. (Nib. 2269, 2 - 3) ‘«...Я вам так расстрою струны, что вы еще станете об этом рассказывать, возвращаясь на Рейн»’;

брат короля гуннов Этцеля Бледель маршалу бургундов Данкварту: „*des engiltest du zen Hiunen und ander degene genuoc*“. (Nib. 1923, 4) ‘«За это (убийство Зигфрида) ты с другими витязями заплатишь гуннам»’.

Смысловый глагол может стоять в форме 3 л. ед. ч. Ср.:

великан Урган рыцарю Тристану: „...*weiz got daz ir ez habet getân, | daz engât iu niuwan an daz leben | oder aber ir müezet iuch ergeben*“. (Trist. 15984 - 86) ‘«...Видит бог, то, что вы сделали, не иначе будет стоять вам жизни, или вам придется сдаться»’.

Угроза может быть также передана пассивными конструкциями с глаголом *werden* в презенсе, имеющими смысл будущего времени [Paul, Schröbler, 1969, S. 387]. Чаще всего глагол имеет форму 2 л., и вся конструкция обозначает тогда действие в будущем, направленное на адресата, при этом сам субъект (говорящий) намеренно не называется. Иногда такие конструкции входят в состав предложений следствия, где в придаточном предложении угроза усиливается. Ср.:

карлик Малькреатюр рыцарю Гавану: „...*ouch wert irs underwiset, | daz man iuch drumbe priset, | ob sichs erwert iuwer hant. | ...sô wert ir gâlunt mit staben, | daz irs gern wandel möhtet haben*“. (Parz. 520, 21 - 26) ‘«...За это вам будет преподан такой урок, что вас будут прославлять, если вы уцелеете. ...Вам так намнут бока, что вы пожелаете передумать»’.

Малькреатор, угрожая рыцарю Гавану, что ему «намнут бока» – *wert ir gálunt*, как *sarjant’u* (пажу, прислужнику рыцаря), наносит ему оскорбление, унижает его рыцарское достоинство. Это яркий пример той «нецивилизованной» формы вызова на бой, к которой прибегают представители нерыцарского звания: карлик Малькреатор – слуга герцогини Оргелузы, которой служит Гаван.

Угроза, реализуемая предложениями с пассивными конструкциями, может усиливаться трафаретными формулами-интенсификаторами. Ср.:

бургундский король Гернот гуннскому маркграфу Рюдегеру: „...iuwer gábe wirt verdienet, sô ich aller beste kan“. (Nib. 2217, 4) ‘...За ваш дар (меч) будет заплачена такая цена, какую я только смогу заплатить»’.

Высказывание Гернота вне контекста может быть воспринято как благодарное обещание Рюдегеру отплатить за преподнесенный дар (маркграф некогда подарил королю меч) – *iuwer gábe wirt verdienet*. Но если учесть, что перед этим Гернот сетует на то, что маркграф убил многих бургундских воинов, становится понятным, что данное высказывание приобретает смысл, обратный буквальному: ценной за меч является жизнь того, кто его подарил. Это угроза с оттенком жестокой иронии, произнесенная непосредственно перед началом состязания.

Как видно из примеров, угроза говорящего, инициирующего поединок, может содержать оттенки оскорбления и иронии. Кроме того, в демонстрации значительного ущерба для адресата (чаще всего это смерть), в интенсивности угрозы вообще видится также оттенок похвальбы говорящего. Угрожая, воины проявляют большую фантазию, даже изощренность. Здесь не существует каких-либо готовых образцов и формул. Данный РА может передаваться достаточно разнообразными средствами, а также включать в свою семантическую структуру элементы других РА (например, оскорбления). При этом цель говорящего – не запугать противника, не предупредить сражение, а, наоборот, через угрозы и оскорбления «раззадорить» его, дать понять о своем желании сразиться с ним и, тем самым, вызвать нужный перлокутивный эффект – бой.

РА вызова на поединок может сопровождаться обращением к адресату. Рассмотрим субстантивные и местоименные обращения.

Субстантивные обращения были употреблены 17 раз в 16 ситуациях вызова на поединок. Обращения к противнику не отличаются разнообразием: в основном это нейтральное *hërre*, а также обращение по имени. Если вызов на состязание адресован группе адресатов (единичные ситуации из «Песни о Нибелунгах»), то используется почтительное обращение, включающее прилагательное с семантикой положительной оценки *küene*. Ср.:

гуннский маркграф Рюдегер братьям-королям бургундов: „ir küenen Nibelunge, nu wert iuch über al“. (Nib. 2175, 2) ‘«Вы смелые Нибелунги, защищайтесь теперь со всех сторон»’.

В эпическом же памятнике мы обнаружили два примера почтительного обращения к одному адресату. Ср.:

бургундский король Гернот гуннскому маркграфу Рюдегеру: „...Nu wendet iuch her umbe, vil edel küene man“. (Nib. 2217, 3) ‘«...Повернитесь же сюда, благородный отважный муж»’.

Распространенное за счет традиционных эпитетов «благородный», «отважный» почтительное обращение даже к своему противнику в ситуации поединка характерно именно для «Песни», где оно, по-видимому, не воспринималось как неуместное. Это лишь одно из многочисленных проявлений этикетности средневековой литературы и данного памятника в частности: с именами благородных и знатных героев раз и навсегда спаяны устойчивые определения [Гуревич, 1976, с. 283], которые находят отражение в обращениях в различных, в том числе и кажущихся неуместными ситуациях. Кроме того, почтительное обращение в ситуации поединка может манифестировать признание, уважение говорящего к адресату.

ту. Так, в последних двух примерах противники не являются абсолютными врагами: Рюдегер дружественно настроен по отношению к бургундам, но, являясь васалом короля гуннов Этцеля, вынужден принять сторону своего сюзерена и сражаться с бургундами.

В «Тристане» великан Урган, обращаясь к рыцарю Тристану, использует не общепринятое в придворной среде *hërre*, а *vriunt ûf dem orse*. Ср.:

великан Урган рыцарю Тристану: nu er den ritter dâ vor | sô wol gewâfenden sach, | unwertlîch er im zuo sprach: | „vriunt ûf dem orse, ... | ...weiz got daz ir ez habet getân, | daz engât iu niuwan an daz leben | oder aber ir müezet iuch ergeben“. (Trist. 15978 - 86) ‘Когда он увидел впереди рыцаря в полном вооружении, он презрительно ему сказал: «Дружище на коне... Видит бог, то, что вы сделали, не иначе будет стоять вам жизни, или вам придется сдаться»’.

Несмотря на то, что Урган говорит Тристану «вы», обращением к противнику *vriunt ûf dem orse* он демонстрирует свое нерыцарское происхождение (великан). Это грубое, ироничное обращение к рыцарю, на что также указывает авторский комментарий – *unwertlîch er im zuo sprach*.

Теперь обратимся к местоименным обращениям. Как уже упоминалось ранее, в ситуации поединка обычным обращением воинов друг к другу было обращение на «ты» – *du*. Это традиция, восходящая к древнейшим временам, когда битва двух враждующих вождей заменяла битву их дружин. Но наш материал свидетельствует, что сфера применения вежливого придворного обращения к адресату на «вы», т.е. в форме местоимения 2 л. мн. ч. *ir* (der höfische Plural), на данный период развития языка значительно расширяется, в частности *ir* проникает и в ситуацию боя двух рыцарей. Таким образом, даже непосредственно перед поединком, который может происходить и без свидетелей, коммуниканты продолжают соблюдать формальности придворного этикета, выбирая форму обращения *ir*.

Данное местоименное обращение присутствует в речи героев в обоих рыцарских памятниках. Исключение составляют лишь две ситуации, в которых используется *du*. В первой из них юный Парцифаль, еще не став рыцарем, требует у рыцаря Итера Красного его доспехи, а в случае отказа грозит вызовом на бой (Parz. 153, 28 - 154, 10). В другой ситуации рыцарь Тристан вызывает на сражение ирландского герцога Морольда, отказавшегося удовлетворить требование первого прекратить взимать дань с Корнуолла и Англии (Trist. 6827 - 32). Если в первой ситуации обращение Парцифала к рыцарю *du* можно объяснить его неопытностью, незнанием придворного этикета, то во второй ситуации Тристан говорит ответное фамильярное *du* противнику, который, оказавшись с ним наедине, первый переходит на эту форму обращения.

В отличие от рыцарских романов в «Песне о Нибелунгах» прослеживается неоднородность в формах местоименных обращений героев в ситуации поединка. Если, например, по данным Г. Эрисманна, в эпических памятниках более отдаленного прошлого (шпильманский эпос) преобладающим обращением вообще является *du*, то в «Песне» – *ir* [Ehrismann, 1903, S. 210]. По-видимому, это связано с влиянием куртуазной культуры, в период расцвета которой и была записана «Песнь о Нибелунгах». В интересующем нас РА вызова на поединок старое германское *du* было употреблено в 5 ситуациях, в остальных 10 ситуациях – *ir*. Можно предположить, что использование говорящим *du* как намеренно фамильярного обращения к своему противнику является в данном конфликтном контексте прагматически маркированным. Так, маршал бургундов Данкварт, сетуя на то, что ему некого послать, чтобы позвать на помощь брата Хагена, слышит в ответ от гуннов угрозу с долей иронии, в которой к нему обращаются на *du*. Ср.:

гуннские воины маршалу бургундов Данкварту: „der bote muostu sîn, | sô wir dich tragen tôten für den bruoder dîn. | sô siht im êrste leide der Gûnthêres man“. (Nib.

1942, 1 - 3) ‘«Ты сам станешь гонцом! Когда мы тебя мертвого принесем к твоему брату, то этот Гунтеров муж впервые увидит то, что поразит его сердце»’.

Как уже было показано, вызов на поединок чаще всего, однако не всегда реализуется средствами других РА. Кроме того, можно говорить о некоторой наиболее часто повторяющейся и в этом смысле ритуальной последовательности речевых действий, структурирующих вызов на поединок как тип дискурса. Общая интенция этой более или менее строгой последовательности РА и заключается в том, чтобы вызвать партнера на состязание. Так, вызов на поединок выступает в окружении или реализуется РА обвинения / порицания / упрека, РА оскорбления / высмеивания / хулы, РА угрозы (также косвенный РА вызова на поединок), РА похвалы (самому себе). Ср.:

брат короля гуннов Этцеля Бледель маршалу бургундов Данкварту и другим воинам: „...ez tâten dîne mâge, Gûnther unde Hagene. | nu wert iuch vil ellenden; ir kunnet niht genesen. | ir müezet mit dem tôde pfant daz Kriemhilde wesen“. (Nib. 1925, 2 - 4) ‘«...Это сделали твои родичи, Гунтер и Хаген. Защищайтесь теперь, чужеземцы! Вам не спастись, вы должны заплатить Кримхильде (за смерть супруга) своими жизнями»’.

В данном примере прямо и однозначно выраженный вызов на бой (императивное предложение) предваряется обвинением в причастности к убийству и завершается двумя угрозами.

Если вызов на поединок является частью ситуации требования, то наряду с указанными РА здесь могут, соответственно, присутствовать РА требования / настойчивой просьбы и т. п. Ср.:

рыцарь Артура Сеграмор рыцарю Парцифалу: „ir gebâret, hêrre, als ir sît vrô | daz hie ein kûnec mit volke ligt. | swie unhôhe iuch daz wigt, | ir müezet im drumbe wandel geben, | oder ich verliuse mîn leben. | ir sît uf strît ze nâhe geriten. | doch wil ich iuch durch zuht biten, | erget iuch in mîne gewalt, | oder ir sît schier von mir bezalt, | daz iuwer vallen rüert den snê“. (Parz. 287, 22 - 288, 1) ‘«Господин, вы ведете себя так, словно вы рады тому, что перед вами расположился со своей свитой король. Если вас это мало беспокоит, то вам придется изменить свое мнение, или я отдам свою жизнь. В своей жажде сражения вы зашли слишком далеко. Но ради приличия я хочу просить вас: сдайтесь мне, в противном случае вы будете так вознаграждены мною, что окажетесь в снегу»’.

Косвенно выраженный угрозой вызов здесь сопровождается речевыми действиями: порицания (Парцифаль в полном вооружении находится перед двором Артура, что противоречит этическим нормам рыцарства); требования с модальным глаголом *müezen*, усиленного клятвой; повторного порицания; требования с перформативным глаголом *biten*, в данном контексте служащим индикатором требования, а не просьбы.

Какова реакция воинов, вызываемых на поединок? Анализ показывает, что вызов на поединок может иметь не только положительную (согласие сражаться), но и отрицательную реакцию (отказ сражаться). В 22 ситуациях следует согласие, в остальных 10 – отказ.

Согласие адресата удовлетворить требование говорящего может быть передано авторским комментарием, к примеру, в ситуации вызова на состязание, дистанцированного во времени и в пространстве от самого состязания. Ср.:

ландграф Кингримурсель рыцарю Гавану: „...nu sî der kampf ze Barbigoe | vor dem kûnc Meljanze. ...“. | Gâwân der ellens rîche | bôt gezogenliche | nâch dirre bete sicherheit. (Parz. 418, 16 - 25) ‘«...Сражение должно состояться в Барбигеле перед королем Мельянцем. ...». Гаван доблестный подобающим образом дал требуемое обещание’.

Если согласие сразиться с говорящим находит выражение в ответном речевом ходе адресата, то чаще всего последний реагирует ответной угрозой, оскорб-

лением и т.п., демонстрируя свое неподчинение, нежелание сдаться без боя. Противник не только не соглашается сдаться, но как бы «отражает» требования, угрозы, унижения, исходящие от говорящего, порой даже превосходя его по силе выражения. Как правило, сразу после этого сражение начинается. Ср.:

герцог Морган рыцарю Тристану (Тристан, потребовав, но не получив у герцога отобранное им наследство, грозит доказать свое королевское происхождение иным образом, т.е. в бою): „ûz“ sprach Morgân „in gotes haz! | iuwer bereden waz sol daz? | iuwer slag engât ze keinem man, | der ie ze hove reht gewan“. (Trist. 5445 - 48) ‘«Довольно, – сказал Морган, – к черту ваши доказательства, к чему они? Ваш меч не сразит ни одного, кто бы когда-либо принадлежал двору»’.

В реагирующей реплике вызываемого на бой в данном примере содержится РА проклятия, что указывает на эмоциональное состояние говорящего (гнев), и РА оскорбления. Герцог не только высмеивает, умаляет воинские качества своего противника – *iuwer slag engât ze keinem man, der ie ze hove reht gewan*, – но и унижает его рыцарское достоинство, считая Тристана незаконнорожденным и поэтому не имеющим права участвовать в рыцарском поединке по всем правилам [Bechstein, Ganz, 1978 I, S. 198].

Ср. другой пример:

рыцарь Гаван карлику Малькреатюру (Малькреатюр угрожает Гавану «намята бока», если тот не оставит госпожу карлика герцогиню Оргелузу): „...sus sol man walken gampelher, | die niht sint mit manlicher wer... | ir müezt iuch eine nieten | daz ir wol meget vür zürnen hân. | swie vreisliche ir sît getân, | ich enbaer doch sanfte iuwer drô“. (Parz. 520, 29 - 521, 7) ‘«...Так следует лупить всякий сброд, который не умеет мужественно сражаться. ...Вам придется вдоволь насладиться обхождением, которое вам покажется по-настоящему гневным. Как бы вы ужасно ни выглядели, я не боюсь ваших угроз»’.

Здесь ответная реплика Гавана проникнута иронией и негативной экспрессией в адрес нижестоящего инициатора вызова. Он высмеивает, оскорбляет его, намекая на его принадлежность к *gampelher* ‘mutwilliges, possenhaftes volk’ [Lexer, 1974 I, S. 732]. После этого Гаван отправляет ответную угрозу – *ir müezt iuch eine nieten daz ir wol meget vür zürnen hân* – с глаголом *nieten* ‘in fülle geniessen’ [Lexer, 1974 II, S. 79], употребленным здесь в ироничном смысле ‘genug haben, überdrüssig aufgeben’ (ibid.).

В случае отрицательной реакции на вызов на поединок адресат отнюдь не всегда выражает свою готовность покориться без боя. Речь идет о следующих ситуациях: 1) адресат не видит причин для поединка и старается разрешить конфликт мирным путем; 2) адресат не считает для себя нужным сражаться именно с данным противником; 3) адресат готов удовлетворить требование без боя. Несогласие адресата вступить в поединок с говорящим за некоторыми исключениями (авторская речь) выражено в ответной реплике. Отказ всегда обосновывается. Ср.:

маршал бургундов Данкварт брату короля гуннов Этцеля Бледелю (Бледель вызывает на бой Данкварта, чтобы отомстить за убитого его братом Хагеном Зигфрида): „Neinâ, herre Blædelîn“, so sprach dô Dâncwârt: | „sô môht’ uns wol bâlde riuwen disiu hovevart. | ich was ein wënic kindel, dô Sîvrit vlôs den lîp. | ine wëiz niht, waz mir wîzet des kûnec Eτζelen wîp“. (Nib. 1924, 1 - 4) ‘«О, нет, господин Бледель, – сказал Данкварт, – тогда нам действительно придется горько пожалеть об этом путешествии. Я был тогда малым ребенком, когда Зигфрид ушел из жизни, и не знаю, что мне вменяет в вину супруга короля Этцеля»’.

Подведем итоги нашего исследования. Коммуникативная ситуация вызова на поединок, выявленная в трех памятниках средневерхненемецкого языка, может восприниматься сегодня как архаичная. Как правило, ее участники – это равностатусные партнеры, представители одной культурно-исторической социальной группы – рыцарства. Вызов на бой как разновидность требования всегда имеет

веские основания: чаще всего это оскорбление чести инициатора данного речевого действия либо его господина / госпожи. Все ситуации можно разделить на две группы: 1) на поединок вызывают непосредственно перед его началом; 2) на поединок вызывают задолго до него с соблюдением всех элементов рыцарского ритуала (например, передача перчатки при свидетелях). Ситуаций второго типа в целом немного, и они запечатлены лишь в рыцарских романах. Значительно чаще, особенно в «Песни о Нибелунгах», присутствуют ситуации первого, более архаичного типа.

Специфика РА вызова на поединок заключается в том, что он редко реализуется как прямыми (императивные предложения, перформативы), так и косвенными речевыми тактиками (повествование-потребность, оптативные предложения), регулярно служащими для выражения других директивных интенций. В большинстве случаев говорящий вызывает противника на бой, используя другие РА, а также их ритуальную последовательность. В качестве косвенного РА вызова на поединок чаще всего выступает угроза, нередко с оттенками оскорбления, иронии или похвалы. Кроме того, вызов говорящего может быть представлен серией таких РА, при этом они не отвечают условиям искренности РА, поскольку все не имеют своей целью предупреждение сражения или информирование адресата о своем негативном отношении к нему. Говорящий, «подзадоривая» противника, сигнализирует таким косвенным способом о своем желании сразиться с ним. Угроза является в данном конфликтном контексте лишь конвенциональным средством призыва к бою. Угроза может быть усилена формулами-интенсификаторами и придаточными предложениями следствия. Но в целом можно констатировать отсутствие формульных выражений в акте вызова на состязание: данная иллокуция получает достаточно разнообразное речевое воплощение.

Прагматически релевантными оказываются в ситуации поединка компоненты личностной дейктики – местоименные обращения. В исследуемых памятниках, особенно в рыцарских романах, преобладает соответствующее придворному этикету обращение к адресату-противнику в форме местоимения 2 л. мн. ч. *ir*. Местоимение *du*, некогда нормативная форма обращения противников на поле боя, становится прагматически маркированной: *du* используется как намеренно фамильярное обращение.

Соглашаясь вступить в поединок, адресат в ответном речевом ходе «отражает» угрозы и вызовы говорящего, демонстрируя свое нежелание сдаться. Согласие может быть передано также словами автора. Реже адресат отказывается сражаться, всегда обосновывая свой отказ.

Литература

Верба Л.Г., Карабан В.И., Алексеенко Л.П. Обsoleteзация и другие исторические изменения директивных речевых актов (на материале произведений В. Шекспира) // Формально-семантические корреляции языковых единиц. Киев, 1989.

Гуревич А.Я. Средневековая литература и ее современное восприятие: О переводе «Песни о Нибелунгах» // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976.

Жирмунский В.М. Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки. М.; Л., 1962.

Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

Bax M. Die lebendige Dimension toter Sprachen: Zur pragmatischen Analyse von Sprachgebrauch in historischen Kontexten // Zeitschrift für germanistische Linguistik, 11, 1983.

Bax M.M.H. Historische Pragmatik: Eine Herausforderung für die Zukunft. Diachrone Untersuchungen zu pragmatischen Aspekten ritueller Herausforderungen in Texten mittelalterlicher Literatur // Diachrone Semantik und Pragmatik: Untersuchungen zur Erklärung und Beschreibung des Sprachwandels. Hrsg. von D. Busse. Tübingen, 1991.

Bechstein R., Ganz P. Wort- und Sacherklärungen // Gottfried von Straßburg. Tristan. Nach der Ausgabe von R. Bechstein hrsg. von P. Ganz. 2 Bde. Wiesbaden, 1978.

Ehrismann G. Duzen und Ihrzen im Mittelalter // Zeitschrift für deutsche Wortforschung, 4, 1903; 5, 1904.

Krohn R. Gottfried von Straßburg. Tristan. Bd. 3: Kommentar, Nachwort und Register. Stuttgart, 1998.

Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. 3 Bde. Leipzig 1872-78. Nachdr. Stuttgart, 1974.

Paul H., Moser H., Schröbler I. Mittelhochdeutsche Grammatik. Tübingen, 1969.

Pfeffer M. Die Formalitäten des gottesgerichtlichen Zweikampfs in der altfranzösischen Epik // Zeitschrift für romanische Philologie, 1885, Bd.9. Nachdr. Tübingen, 1967.

Polenz P. von. Der Ausdruck von Sprachhandlungen in poetischen Dialogen des Mittelalters // Zeitschrift für Germanistische Linguistik 9, 1981.

Schlieben-Lange B., Weydt H., Coseriu E., Gumbrecht H.U. Streitgespräch zur Historizität von Sprechakten // Linguistische Berichte 60, 1979.

Источники

Nib. – Das Nibelungenlied. Mhd. / Nhd. Nach dem Text von Karl Bartsch und Helmut de Boor, ins Neuhochdeutsche übers. und komm. von Siegfried Grosse. – 21., rev. und von Roswitha Wisniewski erg. Aufl. Stuttgart, 2001.

Parz. – Wolfram von Eschenbach. Parzival. Mhd. / Nhd. Nach der Ausgabe von Karl Lachmann. Übers. und Nachw. von Wolfgang Spiewok. 2 Bde. Stuttgart, 2000.

Trist. – Gottfried von Straßburg. Tristan. Mhd. / Nhd. Nach dem Text von Friedrich Ranke neu hrsg., ins Neuhochdeutsche übers., mit einem Stellenkomm. und einem Nachw. von Rüdiger Krohn. 3 Bde. – 9. Aufl. Stuttgart, 2001.